борьбы. Что же касается ихъ вліянія на самую возможность дальнѣйшаго существованія для буржуазнаго общества, то это вліяніе понимается Каутскимъ уже вовсе не въ томъ рѣшающемъ значеніи, въ какомъ оно понималось прежде, а лишь въ смыслѣ общей тенденціи капиталистическаго способа производства перерастать имѣющіеся у него рынки и вытекающей отсюда для него необходимости постоянной погони за пріобрѣтеніемъ новыхъ; но «такъ какъ и внѣшніе, и внутренніе рынки имѣютъ свои границы, между тѣмъ, какъ способность производства къ расширенію практически безгранична», то отсюда и получается чисто теоретическій пока выводъ о неизбѣжномъ наступленіи того отдаленнаго историческаго момента, когда экономическіе кризисы примутъ уже хроническую и ничѣмъ неустранимую форму. Но при этомъ Каутскій такъ характеризуетъ наступленіе этого момента:

«Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ быть медленнымъ и длящимся; мы такъ же мало знаемъ о томъ, какимъ путемъ оно наступитъ, какъ и о томъ, когда оно наступитъ. Я даже охотно признаю, что можно сомнѣваться вообще, наступитъ ли оно когда-нибудь, и тѣмъ болѣе сомнѣваться, чѣмъ быстрѣе будетъ идти ростъ соціалистическаго движенія». И далѣе:

«Неустранимое хроническое перепроизводство намѣчаетъ собою тотъ послѣдній предѣлъ, до котораго капиталистическій режимъ можетъ поддерживать свое существованіе, но это еще вовсе не значитъ, чтобы оно непремѣнно намѣчало собою причину его гибели. Мы уже видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи на ряду съ экономическою необходимостью признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые хотя и опредѣляются экономическими мотивами, но въ то же время носятъ во многихъ отношеніяхъ идейный и этическій характеръ, и которые мы включаемъ въ общую формулу классовой борьбы. Классовая борьба можетъ повести къ низверженію капиталистическаго способа производства раньше, чѣмъ послѣднее вступитъ въ періодъ своего разложенія» *).

Итакъ, согласно этому новому пониманію научнаго соціализма, классовая борьба, т. е. именно борьба, вызываемая численнымъ ростомъ пролетаріата и ростомъ его сознанія, и должна будетъ послужить основною причиною паденія буржуазнаго строя. Развивающееся капиталистическое производство создаетъ все новыя и новыя массы пролетаріата и тѣмъ расширяетъ размѣры ведомой имъ классовой борьбы; въ этомъ ростѣ пролетаріата и въ этомъ расширеніи связаннаго съ нимъ рабочаго движенія заключается сущность объясненія современной соціалъ-демократической школой основныхъ источниковъ соціалистическаго переворота.

Мы уже указывали въ началѣ статьи на неполноту и односторонность этой теоріи. Ея неполнота и ея односторонность заключаются въ томъ, что она ничего не говоритъ намъ о другой сторонѣ дѣла, о той противоположной общественной силѣ, которая ведетъ классовую борьбу съ пролетаріатомъ. Сохраняя во всей неприкосновенности основу своего экономическаго построенія, т. е. принимая по прежнему за эту основу процессъ развитія капиталистическаго способа производства, въ формѣ крупной промышленности, и связывая именно съ этимъ процессомъ все дальнѣйшее развитіе соціалистическаго движенія, она въ то же время оставляетъ совершенно безъ вниманія растущія силы самаго капитализма. Мы видимъ, что въ первоначальной концепціи научнаго соціализма этой односторонности не было; напротивъ того, тогда главное вниманіе было обращено именно на *стихійныя экономическія силы*, подрывающія устойчивость капиталистическаго строя,—при чемъ въ этомъ именно и проявлялась экономическая сторона всего діалектическаго процесса; буржуазное общество само порождало въ своихъ нѣдрахъ тѣ *экономическіе* факторы, которые подрывали его существованіе—чѣмъ очень существенно облегчалась революціонная задача пролетаріата; послѣднему приходилось дѣйствовать въ одномъ направленіи съ ходомъ экономическаго развитія, на его сторонѣ стоялъ основной экономическій законъ всей исторіи.

*) Ibid., стр. 142—145.

Теперь все это исчезло изъ представленія о томъ стихійномъ экономическомъ процессѣ, которымъ опредѣляется ходъ развитія буржуазнаго общества съ его ростомъ и паденіемъ, смѣняющимися по формулѣ діалектическаго самоотрицанія; теперь отъ всей этой матеріалистической концепціи остались только одни «могильщики», которые при томъ же, какъ признаетъ самъ Каутскій, двигаются въ своей борьбѣ многими «идейными и этическими мотивами». Вся самоотрицающая роль капиталистическаго способа производства ограничивается, по этой новѣйшей соціалъ-демократической теоріи, лишь тѣмъ, что онъ порождаетъ острое недовольство своимъ положеніемъ въ охваченныхъ имъ массахъ населенія, организуетъ ихъ и развиваетъ ихъ классовое самосознаніе. Это, конечно, не мало; но гдѣ же здѣсь *экономическая* сторона самоотрицанія? Гдѣ тотъ разрушающій экономическій процессъ, который способствовалъ бы пролетаріату въ его борьбѣ, подтачивая самыя экономическія основы даннаго общественнаго строя? Представимъ себѣ, что, при смѣнѣ феодально-монархическаго режима буржуазнымъ, на сторонѣ буржуазіи было бы только ея острое недовольство старымъ порядкомъ и ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ; на сторонѣ же монархіи и феодальныхъ землевладѣльцевъ были бы ихъ все болѣе и болѣе растущее матеріальное благосостояніе и накопленіе огромныхъ богатствъ, обусловленныя самымъ процессомъ экономическаго развитія: можно ли было бы сказать въ такомъ случаѣ, что буржуазія побѣдила старый порядокъ, *благодаря* содѣйствовавшему ей экономическому процессу? Не слѣдовало ли бы сказать наоборотъ,